

Вопрос: Если философия – о «главном», то что Вы считаете главным сегодня для философии?

The time is out of joint, – сказал принц Гамлет о своем времени. Я думаю, что философ может сегодня сказать о своем предмете по-гамлетовски: *Philosophy is out of joint*. «Распалась связь времен» (наиболее адекватный перевод) – распалась, исчезла связность философского дискурса. А это значит – исчезло Главное: ибо предмет потерял единство, распался на островки, не соотносящиеся друг с другом, и невозможно стало сказать, а что же Главное для всего предмета – на одном островке это одно, на другом – другое. В той же телесной лексике, о таком состоянии еще подойдет сказать – философия не вывих потерпела, а *лишилась хребта*. Никак нельзя не признать, что это состояние раздробленности и несоотнесимости эпистемологически пагубно, и потому сразу возникает начальный ответ: главное – это снова обрести Главное.

Такой ответ может звучать каламбуром, уходом от ответа, но он вносит интригу, от него можно продвинуться дальше. Оглянувшись назад, на времена, когда вопрос о Главном не вызывал затруднений, мы можем заметить, чем же обеспечивалось присутствие Главного, что было предпосылкой, ключевым условием этого присутствия. Философия с гарантией не может быть *out of joint* или *spineless*, и Главное в ней и для нее может с гарантией наличествовать, когда в ней есть *дискурс трансцендентного*, за которым признано верховное или нормативное положение. Это – эпистемологически комфортное состояние, в нем можно было выбирать, назначать Главным те и другие возвышенные, солидные вещи. Сегодня его больше нет, но судьба дискурса трансцендентного не решена. По сей день остроконечники, заверяющие, что этот дискурс выброшен навсегда, не могут окончательно одолеть тупоконечников, стоящих на том, что этот дискурс не ушел и всегда пребудет верховным. Однако становится уже ясно, что эту бинарную оппозицию надо снять – с тем, чтобы заново и по-новому поставить вопрос о судьбе дискурса трансцендентного: что то же, *о судьбе бытия*.

Мы вернулись в Начало, как для философов неизбежно. Начало же со-временно любому мигу истории, и обращение в Начало открывает нам, что сегодня вопрос о судьбе бытия разворачивается как вопрос об энергии и ведет к вопросу о человеке. Это же можно сказать иначе: вопрос о судьбе бытия стал сегодня *практическим* вопросом: человек – только не тот, которого «полагали» старые философии и антропологии, а настоящий, каким он себя реально являет в своих проявлениях, практиках, – имеет ли отношение к бытию? И это и есть сегодняшняя форма вопроса о судьбе бытия – о судьбе дискурса трансцендентного – о хребте философии.

Пульс жизни философии – не выдача ответов, решений, а держание вопрошания. Дать свое, сегодняшнее наполнение вопрошанию – это и есть Главное. Вопрошание звучит ныне антропологически-практически, оно уводит далеко от всей прежней территории философии (включая «философскую антропологию»), и это значит, что *Главное для философии сегодня не находится на территории философии!* Тот не описанный еще человек, который даст хребет философии, – он заведомо не обитает на этой территории и ни на какой вообще, он – экстерриториален (не зря Делёз так настаивал на «детерриторизации»), ибо он – не область реальности, а ее фокус, производящий принцип, способ организации... – словом, решающая эпистемологическая и методологическая инстанция. Этою инстанцией будет положена заново вся гуманитарная сфера, новое сообщество дискурсов с новыми их границами. В этом претворенном сообществе у философии будет Главное, интимно связанное с новым дискурсом о человеке. Как будет он называться – нео-антропология, мета-антропология, наука наук о человеке – не суть важно. А сама философия будет, тем самым, тоже экстерриториальна, будет вне себя – что, впрочем, и соответствует ее истинной природе.